

ринат валиуллин

Всякое недовольство —
это нехватка
удовольствий.

все ее
удовольствия

Ринат Рифович Валиуллин

Все ее удовольствия

Серия «Проза для гурманов»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66434036

Все ее удовольствия : [сборник рассказов] / Ринат Валиуллин: АСТ;

Москва; 2021

ISBN 978-5-17-138656-6

Аннотация

Всякое недовольство – это нехватка удовольствий. Она знала об этом, именно поэтому она любила долго просыпаться, долго принимать душ, долго позировать перед зеркалом, долго пить кофе... Она любила саму возможность растягивать те самые крошечные удовольствия, на которые в обычной жизни времени не хватало. Слишком много обязанностей и обстоятельств превращали ее единственную жизнь в рутину, а все потому, что разучилась отдыхать, получать удовольствия, позволять себе их.

Все ваши желания в легких позитивных историях этой книги, они намекают, как получить те самые удовольствия, что помогут вам полюбить себя, наполнят любовью, которой вам захочется поделиться как минимум со своим человеком, как максимум – с целым миром.

Содержание

Танец	5
Мама	15
Выход в свет	25
Зеркало	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ринат Валиуллин

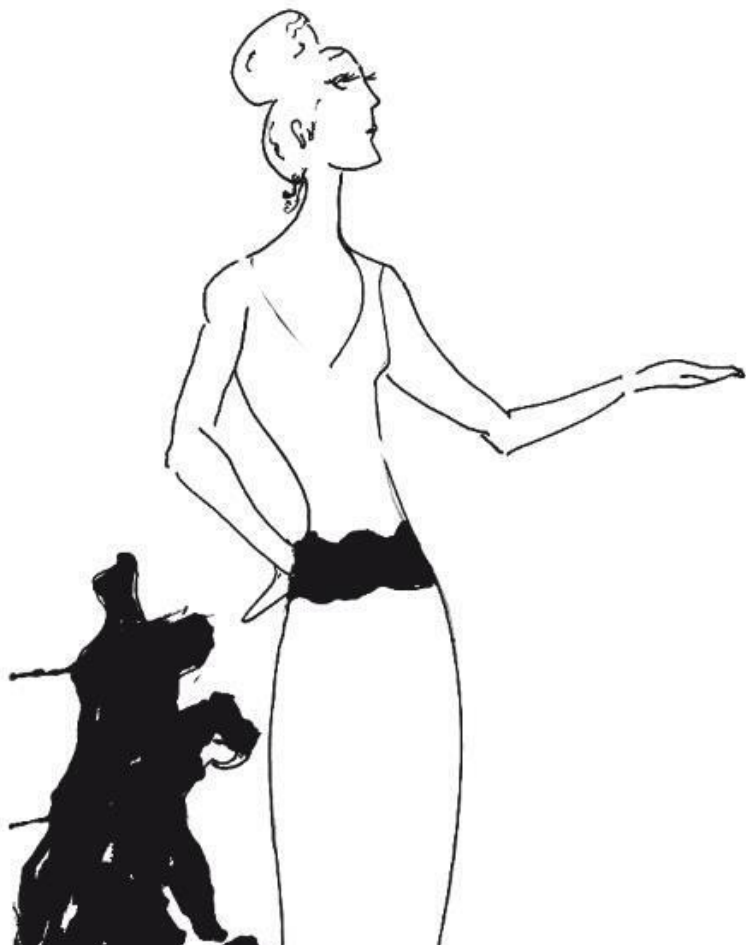
Все ее удовольствия

В книге использованы рисунки автора – *Рината Валиуллина*

© Валиуллин Р., 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Танец

– Жизнь для женщины должна быть танцем, в котором ее ведет партнер. Я знаю здесь ты саркастично улыбнешься «Смотря куда». Он должен видеть «куда», он должен чувствовать «когда», ей достаточно только знать «зачем», – рассуждал вслух мужчина, который неожиданно оказался рядом, в то время как, сидя за столиком кафе, Наталья наблюдала за парочками, что танцевали на набережной, на спонтанно возникшей танцплощадке, любимое танго. Кукловодил Астор Пьяцолла. Его волшебная музыка пьянила и окутывала вечер в романтический шелк.

– Извините, у вас здесь не занято? – обратился к Наталье мужчина, после своей реплики.

– А если там танцует моя подруга? – невольно усмехнулась Наталья.

– Да, какая разница. Извините, если я вас чем-то задел.

– Подруга – это не разница, это – удовольствие.

– То есть вы не против? – занял место за столиком молодой человек.

– Садитесь, конечно.

– Не похоже.

– Что не похоже?

– Когда человек доволен, он расслаблен. Посмотрите, как они все зажаты. Им для начала, надо расслабиться. Мужчины зажаты, а значит, и женщины. Как такой может вести? Куда? Если сам как истукан.

– Да? А мне нравится, красиво двигаются.

– Где вы тут заметили красоту. Они же боятся, они вымеряют каждое движение, в страхе ошибиться. Не танго, а сплошные зажимы. Знали бы вы, насколько мужчины зажатые.

– Отчего?

– От страха. Вообще – то это касается всех и вас в том числе.

Наталья посмотрела на своего собеседника с удивлением.

– Девушки все прекрасны, просто боятся быть красивыми и сексуальными, – не выдержал он взгляда и сдался. Это был приятный молодой человек, лет тридцати пяти, стройный и подтянутый, как и его бархатистый голос. Волевое лицо смотрело на Наталью бесстрашно и безупречно. Это внушало доверие.

– В смысле? – спросила она.

– Вы не безнадежны.

– Благодарю. Утешили.

– Вы же считаете себя красивой? И все девушки так считают, но тело.

– Что с телом не так, – сделала рокировку ног в стиле Шерон Стоун из «Основного инстинкта» Наталья.

– Именно, оно забывает об основном инстинкте.

– Если вы про танцы, я никогда не танцевала.

– Однако, это было неплохо. Но это ведь только эпизод, а девушка должна быть сексуальной всегда, в каждом движе-

нии, в каждом взгляде. Вы бы танцевали лучше, если бы полюбили свое тело искренне.

– Что значит искренне?

– Ну, чего обычно не хватает девушке? Поверить в себя, в свои способности. В общем, не бойся быть сексуальной. Ты же красивая. Извините, как вас зовут?

– Наталья.

– А я Артем. Так и живем, – улыбнулся неожиданной рифме молодой человек. – Женщины боятся быть женщинами, мужчины – мужчинами.

– Я вижу, только вы ничего не боитесь.

– Боюсь, конечно. Но я работаю над этим.

– Кем, извините?

– Инструктором.

– Значит, вы профи, вам легче.

– Все мы в чем-то профи. Какой может быть танец, когда мужчины боятся брать, вести, решать, нести ответственность. Мы в ответственности за тех, кого пригласили. Что получаем в итоге? Страх. Страх довериться партнеру, дать ему повести. Знаешь, что больше всего мешает?

– Знаю. Я сама.

– Вот именно! Я сама, потому что страшно открыть свое тело, навстречу танцу, рукам партнера, навстречу музыке. А ведь танец – это секс, только без всякой этой ерунды в виде слов, звонков и амбиций. В танце не страшно отдаться партнеру, в танце не залетишь.

После этих слов, Наталья вдруг рассмеялась. Никогда она так легко не знакомилась ранее. Возможно, это шампанское, которое уже закончилось в ее бокале, атмосфера, музыка. Нет, все не то. Партнер, именно, Артем разговаривал с ней, будто танцевал, будто знал ее уже много лет, он вел туда, куда еще не ступала нога незнакомца. К тем предметам, о которых она думала постоянно, но боялась сказать вслух. Просто некому было говорить.

– Нет, это не танец, это судороги какие-то. А знаешь, почему, – неожиданно снова перешел на «ты» Артем.

– Знаю. Мужики боятся быть мужиками.

– Именно. Они боятся вести, отвечать, отвечать на желание женщины, братъ, в конце концов, ведь для того, чтобы взять всего-то надо взять на себя ответственность. А что такое ответственность? Это не только проявление силы, воли, уверенности, но еще больше нежности, внимания.

– Заботы, – добавила Наталья.

– Я никого не осуждаю. Просто надо разжимать эту пружину мышц и мыслей, которые нас сковали.

– Расслабиться.

– Точно.

– Это непросто. Иногда мне кажется, что я разучилась.

– В смысле?

– Лето проходит, а все никак не расслабиться.

– Может, ванну набрать?

– Лучше моря налейте.

– Легко, – махнул официанту молодой человек, который подлетел быстрее ветра.

– Что желаете?

– Шампанское.

– Бокал или бутылку?

– Ванну.

– Ванну? – растерялся на минуту юноша.

– Бокала будет достаточно, – спасла официанта Наталья.

– Принесите бутылочку брютa. И два бокала.

– Хорошо, что-нибудь еще? – посмотрел юноша на Артема. Тот перекинул взглядом вопрос Наталье.

– Нет, спасибо.

– Хорошо, – исчез официант.

– Я не могу на это смотреть, – указал на одну из пар Артем.

– Отчего же? Красивая пара.

– Этого мало. Красавица, зачем тебе мужчина, который постоянно торопит? Вы видите, как он торопится, мельтешит, суетится. Не надо спешить идти за таким. Даже если замуж. Женщина должна идти красиво, грациозно, без спешки.

– Здесь я соглашусь на все сто.

– Тоже поспешили?

– Зато теперь уже никуда не тороплюсь.

– Да, надо знать с кем танцуешь и под какую музыку.

Очень плохо, когда женщина пытается угадывать, тут и там

идет на компромиссы. В этом танце отношений, это значит только одно – он паршиво ведет. Он плохо вел себя? – посмотрел на меня с улыбкой прорицателя Артем.

– Из рук вон плохо.

– В таком случае мужчина плохо ведет не только себя, но и женщину, которая рядом. Он дергает ее и тянет, куда ему надо, она напрягается, торопится, совершает ошибки. В этом танце мужчина не справляется с главным: он не может показать ее красоты.

Наталья невольно поправила свои густые волосы.

– Первый шаг всегда за мужчиной. Шаг этот должен быть не только первым, но и уверенным. Только тогда женщина следует за ним красиво, неотразимо. Для этого она должна быть уверена в себе, крепко стоять на ногах. А ей часто приходится лететь к нему походкой послушной собачонки по первому зову. Что в ее глазах? Покорность, а должны быть чувства.

– Где же их взять, эти чувства?

В это время подошел официант с ведром льда, где была спрятана бутылка. Он элегантно откупорил шампанское и разлил по бокалам.

– Вот же они, Наталья! Когда спинка твоя прямая, ты уверена в себе, ты способна вдохновлять и делиться чувствами. Тогда мужчина почувствует, как легко с тобой танцевать, как легко с тобой.

– С вами тоже легко.

– Уверяю вас, это шампанское. Скоро пузырьки выветрятся и все станет на место.

– Думаете, надо подождать?

– Лучше подождать, чем торопиться идти туда, куда тянет тебя первый попавшийся мужчина. Вот куда она поскакала? С кем она вообще танцует, покажи мне! Кто требовал от нее угадывать? Не надо угадывать, если умеешь следовать, – комментировал Артем очередную парочку. Наталья тоже начала замечать искусственность танца, хотя на первый взгляд все выглядело довольно гармонично. – Научить следовать за собой может только настоящий мужчина.

– Где их взять, настоящих...

– Если есть настоящая женщина, то настоящий мужчина тоже где-то рядом. Танец вообще изначально только для женщины, ради женщины. Вспомните хотя бы брачные танцы птиц и животных, но это не значит, что надо расслабиться, повиснуть на мужчине и всюду тащиться за ним. Нельзя превращаться в багаж. Багаж хочется сдать, потому что тяжело тащить, не то что танцевать.

– Это из личного опыта?

– Вы про мой большой багаж? – улыбнулся Артем, потягивая шампанское.

– Мне кажется, в инструктора так легко влюбиться, почти как в телохранителя, потому что рискованные ребята.

– Это все киношные штампы. Инструктор или другой, не это главное.

– А что главное?

– Самое главное для женщины – крепко стоять на ногах, твоя ось – это твоя независимость, ты отдаешь мужчине только чувства. Чем больше чувства, тем меньше страха, тем легче ему тебя вести, тем красивее танец. Мужчина, если он настоящий, он сам тебя узнает, сам скажет, куда, ты просто последуешь. Будь «ленивой»... Дождись его первого шага. Дождись, чтобы он тебя позвал, взглядом, движением, телом. Потом уже ты. Ты всегда делаешь шаг после мужчины, первый делает он. Не то чтобы он учит тебя ходить, просто показывает путь. Он ждет твоего первого шага, потому что твой шаг отражает его желание. Если ты суетишься и торопишься, это лишний раз доказывает, что твой партнер никудышный танцор, он не умеет расслабить женщину и уверенно вести, вместо этого бесконечно одергивая и унижая. В танце все, как в жизни. Если ты будешь танцевать со слабыми партнерами, ты будешь плохо танцевать сама, в итоге – никакого удовольствия от танца.

– Точно, все как в жизни, – задумчиво произнесла Наталья. В памяти промелькнули образы ее мужчин, которые один за другим подходили, приглашая ее на танец. Никто из них не был идеален, один наступал все время на ноги, другой не слышал музыки, третьего приходилось вести самой.

– Как вы докатились до такой жизни? – продолжал читать ее мысли Артем.

– Я люблю кататься.

– Хорошо, постараюсь вас не уронить.

– Нет, это я постараюсь не упасть в ваших глазах, – улыbnулась Наталья навстречу поднятому бокалу инструктора. Она пыталась вспомнить четвертого. Четвертым упрямо подходил Артем и приглашал на танец.

– Ну что, потанцуем? – сделала первый шаг Наталья наперекор всем инструкциям.

– Увы, я не умею.

– Как? Вы же инструктор.

– Да, но по горным лыжам.

– Вот как? А так хорошо разбираетесь в танцах.

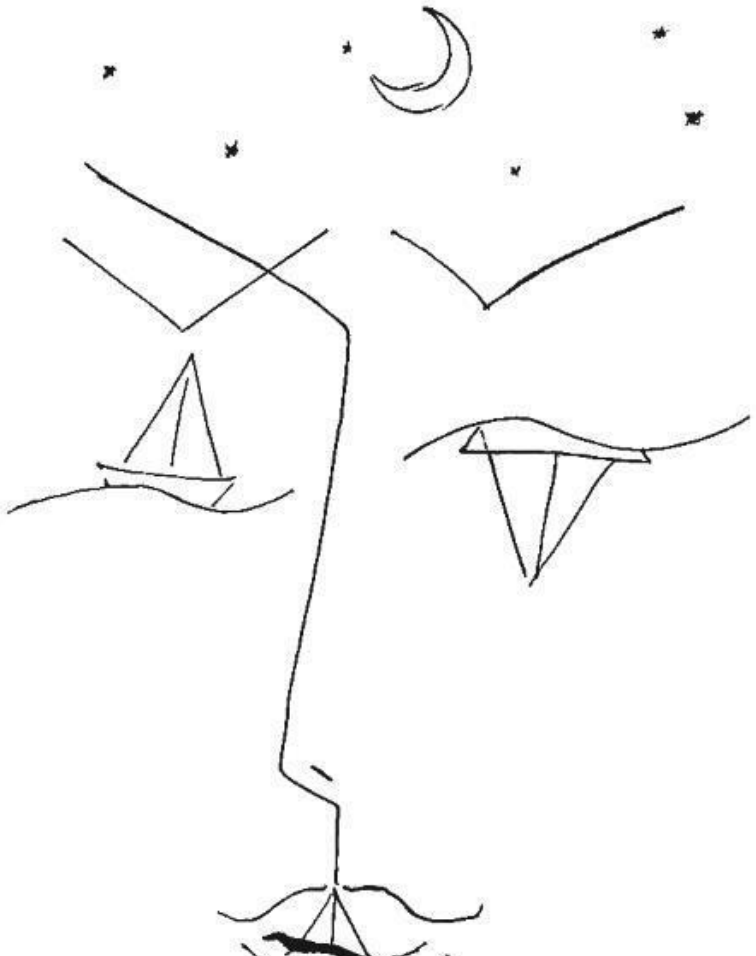
– Скорее в людях. В принципе, горные лыжи тот же танец. Только опаснее и ошибки больнее. Те же зажатые мужчины и женщины, которые очень хотят расслабиться, но не знают как.

– О, это моя голубая мечта, научиться кататься на горных лыжах.

– Это легко, осталось только дожидаться зимы.

– С мужчинами всегда так, приходится все время что-то ждать.

Mama

Я часто встречал ее в кафе по утрам. Однажды мне все это надоело. Теперь встречаю по утрам ее дома, только кофе варю я.

В это утро кофе я сварить не успел, точнее сказать не было никакого желания. Я сбежал оттуда, как только проснулся. И уже качался в кресле в своем кабинете, пытаюсь собраться с мыслями, но мысли не собирались, они игнорировали, они предпочитали другие собрания, дебаты в курилке дум, не голова, а полная фракций Дума. Работать не хотелось, хотелось на море, на дачу, насовсем.

Одна из мыслей, самая мрачная, кружила под потолком, после каждого дежурного облета пытаюсь выйти за пределы, на волю, на свободу, в весну, втыкаясь всем телом в стекло. Качаться мне надоело, и я перешел к более действенным методам: я начал кататься на кресле от стенки до стола и обратно. За этим развлечением меня застала Катя, которой я успел чуть раньше заказать кофе.

– Кстати, звонили опять пожарники.

– Вам, Катя?

– Мне.

– Их было много?

– Я разговаривала с одним.

– Голос приятный? – продолжал я кататься на кресле.

– Мужской.

– Ну и как? Затушили пожар вашей страсти?

– По поводу плана эвакуации. Вы обещали подумать. Есть какие-нибудь мысли, Максим Соломонович? – стала очень серьезной Катя.

– Есть. Одна, – указал я на толстую муху, что ввинчивалась сверлом в стекло окна. – Слышишь, как ноет? Просится на волю, – ее жужжание действительно напоминало нытье капризного ребенка. Однако через мгновение муха взяла себя в крылья, оторвалась от стекла и взмыла вверх.

– Опять меланхолите, Максим Соломонович?

– Катя, вы должны помочь мне ее поймать. Эту мысль. Вы же видите, она разогнала все остальные...

– Я не умею ловить мух.

– Мне нужна ваша помощь. Вы же не оставите беспомощным.

– А кофе на что?

– Ну хорошо, не поймать, но хотя бы тогда убить, – пытался я скорее чем-то развлечься, выкинуть из головы вчерашний тяжелый разговор с тещей, которая приехала месяц назад и никак не хотела уезжать. Она хотела взять Питер, то есть остаться у нас насовсем, но насовсем меня совсем не устраивало, так как мне одной женщины в доме вполне хватало. Разомлев на первых родственных пирожках, я как-то не сразу заметил, что она уже через три дня жизни в моей квартире начала пытаться управлять нашей какой-никакой семейной жизнью. Это было странное ощущение, когда ты начинаешь чувствовать себя дома не в своей тарел-

ке, в которой тебя пытаются приправить специями и съесть. Было непривычно возвращаться с работы, понимая, что домой тебе вовсе не хочется или хочется, но уже не так. Что в силу того, что ты еще не привит к этому вирусу, начинаешь следовать указаниям извне, начинаешь заранее просчитывать свои телодвижения, чтобы избежать лишнего упрека или комплимента, начинаешь ёжиться от излишней псевдозаботы. Я не был женоненавистником, я готов был ее полюбить, как родственницу, как мать моей жены, но, видимо, она не так нуждалась в любви, как во власти. Алчная женщина, она хотела упорядочить наше все. «Менеджер мне не нужен!» – вспомнил я свою вчерашнюю последнюю реплику, после которой все стихло. И у меня появился враг в лице тещи и союзник, который не знал, к какой стороне ему прикнудить, в лице жены, та держала нейтралитет, балансировала между нами, пытаясь сгладить углы. Она не могла понять, каким несчастьем могло это обернуться для дома, как рано или поздно ему снесет крышу, если он попытается приютить их обоих.

– Для убийства нужна веская причина.

– Представьте, что это мой самый лютей враг, – на ум снова пришла теща и начала топтаться в своих мохнатых тапочках, которые раздражали. Потом резко ушла вверх. С высоты она уже вынюхивала что-то, кружась надо мной черным вертолетиком, составляя карту местности, вынашивая очередную план нападения.

– У вас есть враги?

– Разве вы не слышите, Катя, – перестал я кататься на кресле и взял со стола чашку кофе, которой уже начинала интересоваться теща.

– Хорошо, сейчас принесу мухобойку.

– У вас есть оружие? Что же вы раньше не сказали, Катя?

– У меня есть все, – скрылась за дверью Катя. Я вспомнил холодную ночь с женой, холодный утренний кофе взглядов, когда решил вымыть чашку за собой в знак доброй воли:

– Привет. Как ты? – отправил я ей смску. Мне нужны были союзники.

– Как на качелях: к тебе, к себе, к тебе, к себе, – засветилось на моем экране через несколько мгновений. – Мама собирает чемодан.

«Хоть одна хорошая новость» – набрал я на автомате на экране, но отправлять не стал.

– Она на вертолете полетит, – стал я снова следить за пикирующим бомбардировщиком.

– Почему на вертолете? – подпрыгнул мой телефон и протянул новое письмо.

– Просто так сказал. На какое взять ей билет?

– Она хочет через неделю. Ты можешь позвонить?

– Через неделю? Не могу, – не хотел я снова сейчас домой. – У меня тут важное дело, – старался я не терять муху из поля зрения.

– Да, через неделю. Кстати, я уеду на три дня в команди-

ровку. Надеюсь, вы не убьете друг друга.

– Надеюсь, но гарантий дать не могу. А что она думает делать здесь после вчерашнего еще целую неделю? – бросил я себя еще на неделю в холодное не отопленное семейным теплом пространство собственного дома.

– Мирить нас. Так она сказала.

– Она считает, что у нас здесь война. Жили себе в мире, никого не трогали. Это же она войну притащила.

– Ну что ты такое говоришь, Максим. Ты ее еще плохо знаешь.

– Поэтому ты уезжаешь? Чтобы я узнал ее получше?

– По работе. Кстати, как твоя спина?

– Вроде бы отпустила. Отпустила меня куда глаза глядят.

– И куда они сейчас глядят?

Я не стал отвечать, наблюдая, как Катя сделала уже два выстрела из мухобойки, но попала в молоко.

– Катя, я понял, вы слишком добры, вы не способны на убийство.

– Я все время думаю: «За что?»

– За дерзость.

– Я имела в виду, мне что с этого?

– Катя, вы стали меркантильны.

Она ответила не сразу, сначала взяла стул и поставила к окну, по стеклу которого прогуливалась муха. Было заметно, что насекомое уже акклиматизировалось, а вид девушки с мухобойкой его не пугал, а забавлял.

– Все женщины меркантильны, если речь заходит о мужском внимании.

– Я мог бы предложить тебе дружбу, но знаю, что мы не сможем дружить.

– Да, это больше будет похоже на разврат.

Максим расхохотался так громко, что муха не выдержала и пошла на очередной круг. Теще не нравился его смех. Не то чтобы Максиму мешалась эта муха, просто он хотел как-то развлечься, другими словами, понаблюдать за игрой выдающихся бедер своей секретарши, которая была в него по уши влюблена. Флирт – он мог себе это позволить, она – нет. Ей нужен был не флирт, ей нужна была любовь, всему ее теплому доброму телу.

– Третья попытка, – перестал смеяться Максим. Катя посмотрела сначала на него, потом стала выцеливать севшую на занавеску муху. Но в этот момент ветер своей мощной рукой распахнул окно настежь и дернул за занавеску. Тем самым он спас жизнь теще, та улетела.

– Вот, теперь ваша совесть чиста.

– А ваша? – поставила стул на место Катя.

– Мою уже не отстирать, Катя.

– Попробуйте «Ваниш».

– Спасибо, только она спит.

– Да не за что, Максим. – Иногда Катя сбрасывала с себя официоз и звала меня по имени. Но я не шел, я знал, к чему это может привести. Я отгораживался работой, женой, те-

щей, дверью, стеной, весной. Меня не вдохновляло совместное чтение служебного романа.

– Особенно за кофе.

– Вам окно закрыть?

– Не надо, пусть дышит. – Я углубился в экран компьютера. Открыл ящик, нашел письмо Томаса.

– Ну, я тогда пойду?

– Да, конечно. Как вы относитесь к гостям, Катя?

– Ходить или принимать?

– Принимать.

– Смотря кого и сколько. Надо соблюдать дозу. Иначе гости могут отравить жизнь.

– То есть вы считаете, что настоящие гости – это не те, что к тебе приехали, это те, что никак не могут уехать, – вспомнил Максим одного своего старого знакомого, который жил на берегу Черного моря и был настолько гостеприимным, что постепенно гости вытеснили его из собственного дома. Однако, он не расстроился, рассуждая философски, он объяснял, что, видимо, этим людям море нужнее, чем ему. Кончилось тем, что он поставил в саду палатку и жил там. Но Максим не хотел жить в палатке, чувство собственного достоинства да и климат питерский не позволяли.

– Все это очень лично. Чем я могу помочь? – взмахнула воинственно в воздухе мухобойкой Катя.

– Катя, вы слишком добры, вы даже мухи убить не можете.

– Гости не мухи, если хозяйева не...

– Не продолжайте, Катя, а то мухи снова налетят.

Вечером я вернулся с работы домой.

– Что с тобой, Максим?

– Спину скрутило. Наверное, позвоночная грыжа.

Я валялся на полу у тещи в ногах и не мог пошевелиться. Страшная боль при малейшем движении. Старая рана, позвоночная грыжа в один миг сделала меня беспомощным. Теща вызвала «скорую», фельдшер сделал укол и велел постельный режим, пока не отпустит. Клавдия Ивановна стала моей сиделкой. Я отпирался от ее помощи как мог, пока не сдался. Инвалид, что я мог сделать? Я представил себя раненым бойцом, за которым ухаживала сестра. Я попал в плен заботы и любви. Все, что я мог, это есть из ее рук, читать книги и говорить по телефону. Вечером следующего дня позвонила жена:

– Как там у вас? Воюете?

– Нет, я объявил мир! Я сдаюсь, твоя мама – замечательная женщина.

– Хватит иронизировать, Максим.

– Чистая правда. Знала бы ты как мне неудобно.

– Что, опять спина?

– Да, если бы не она, я бы так и остался на баррикадах.

Как же мне неудобно за свое отвратительное поведение.

– Как?

– Могу только лежать. Спасибо тебе за маму.

– Ты в порядке?

– Нет, я полностью разобран.

– А что случилось?

– Сексуальная революция. Я влюбился в твою мать.

– Твою мать!

– Не волнуйся, ментально, душевно, как родственник.

– Я поняла. Я же говорила, что она чуткая женщина.

– Не то слово. Женщины – это что-то с чем-то, особенно

тещи, надо просто заглянуть к ним в душу.

Выход в свет

– Как у тебя?

– Да, никак. Все время думаю, чем бы разбавить это пресную жизнь?

– Морем, разбавляй ее морем. Не пожалеешь.

– Хорошо бы, но море с пляжем там, на юге, а я с проблемами здесь, в Москве, – ответила грустной улыбкой Лиза своей бывшей однокурснице, которая уговорила ее пойти на встречу выпускников Университета.

– Расслабься, хотя бы сегодня. Тебе это необходимо, – подруга подлила Лизе в бокал вина. Лиза сделала глоток и вернулась от своих мыслей за стол.

– А теперь выпьем за наших присутствующих здесь молодоженов, Васю и Люду, – объявил очередной тост новоиспеченный тамада.

– Вот представьте себе такой фантастический сюжет: встречаются Вася и Люда на кухне. «Люда, – говорит Василий, – я проснулся вчера, а тебя нет. Где ты была всю ночь?» – «А где ты проснулся, дорогой?» – Все поднимают рюмки, весело гогоча, и лукаво глядя друг на друга. – Друзья, хочу пожелать молодоженам, и не только им, а всем нам: просыпаться дома, в одной постели.

Бокалы возбужденно зазвенели. Лиза сделала еще один глоток, отметив про себя, что давно уже просыпается одна.

Неожиданно сидевший до сих пор в другом конце стола Игорь оказался рядом, наклонился и прошептал на ухо:

– Девушка, можно вас пригласить?

– Меня? – вздрогнула Лиза.

– Да, тебя.

– Ой, я так давно не танцевала, прямо забыла как это делается. – Игорь присел рядом. Лиза, уже чуть расслабившись, взглянула на пару, танцующую рок-н-ролл.

– Это Серега, – заметив ее заинтересованный взгляд, подсказал Игорь. – Маринка наша за него месяц назад выскочила. Закончил МГИМО, теперь едет в Бразилию помощником секретаря посольства. Ну, понятное дело, без помощи сверху не обошлось. Скажи, а твой-то как?

– Олег? Служит.

– А где?

– Не могу тебе сказать, – и добавила шепотом: – Военная тайна!

– Ах, ах, у нас теперь одни «нельзя» и «не положено», так, что ли?

– Точно. Я иногда думаю, со мной ли все это происходит?

– Ты знаешь, а я все последнее время тоже думаю, с нами ли все это тогда происходило?

– Что именно.

– Помнишь третий курс, поцелуи в парке Горького, до самого утра? Как не могли насмотреться друг на друга?

– Давно это было, Игорек.

– А мне все еще кажется, что это была любовь.

– А любовь – это не всегда то, что кажется.

– Не веришь?

– С верой у меня вообще плохо стало.

– А верить-то надо. Без веры никак. Так. – Игорь нервно огляделся по сторонам, будто что-то потерял: – Надо как-то двигаться, – обращаясь то ли к себе, то ли к Лизе задумчиво проговорил он. – Вот. Идея! Предлагаю прямо сейчас уйти отсюда по-английски и прокатиться на моем «Кадиллаке» по нашим старым местам...

Лиза на секунду задумалась, тряхнула головой и посмотрела Игорю прямо в глаза.

Они вышли из кафе и сразу же оказались на Гоголевском. Вечер был осенний, хотя на календаре давно уже был декабрь. В воздухе пахло дождем и романтикой. Игорь взял Лизу под руку и повел к припаркованным «Жигулям» первой модели, но Лиза его остановила:

– Погода хорошая, может, пешком?

– Хорошая? – удивился Игорь. – До сих пор понять не могу, где зима? Скоро же Новый год.

– Ну так ты идешь?

– Конечно, давай прогуляемся немного.

По внутренней дорожке бульвара, сквозь густые сумерки столицы, пара вышла прямо к памятнику Гоголя.

– Ты чего такая грустная: смотри, даже Гоголь – и тот улыбается, – указал на памятник Игорь.

– Скорее ухмыляется, а вот прежний вид имел очень даже печальный, – не согласилась Лиза.

– Какой такой «прежний»?

– Здесь же другой Гоголь стоял, он переехал во двор бывшей усадьбы графа Толстого на Никитском, где Гоголь провел свои последние четыре года.

– А зачем поменяли?

– Сталину не нравился грустный Гоголь.

– Покажите мне хотя бы одного человека, который нравился Сталину.

Лиза улыбнулась:

– Здесь пролегал его путь от дома к Кремлю. «Каждый раз проезжаю, смотрю на Гоголя, и плакать хочется, а не работать», – говорил он.

– Москва слезам не верит, – согласился Игорь. – Смотрела?

– Не раз. Можно сказать, мой любимый фильм.

– Помнишь сцену, где Катя Тихомирова встречается с Родионом на скамейке?

– Конечно.

– Это снималось здесь, на этом бульваре, только в начале, ближе к «Кропоткинской». Сейчас дойдем, покажу. – Игорь, словно регулировщик, правой рукой указал Лизе путь следования. Через несколько минут они остановились напротив дома номер одиннадцать:

– Вот она, та самая, слегка обновленная.

– Ты серьезно? – Лиза посмотрела на сидевшую напротив них пожилую пару.

– Серьезнее некуда.

– Может, это они? – предположила Лиза.

– Ага, третья встреча, сорок лет спустя.

– А ты откуда знаешь?

– Я же на Мосфильме работаю.

– Тоже оператор? – улыбнулась Лиза.

– Актер второго плана.

– В массовке, что ли?

– Ну да, халтурил студентом. Сколько раз пришлось туда-сюда по бульвару пройти, я тут каждую травинку знаю. Я и раньше Гоголя не понимал, а в тот день просто возненавидел.

– Фантастику, наверное любишь? – рассмеялась Лиза собственной формулировке.

– В смысле?

– С женой мужней шашни разводишь.

– В детстве мне нравился Кир Булычев, – проглотил шутку Игорь и выпустил из своей руку Лизы.

– Ты помнишь его «Сто лет тому вперед?»

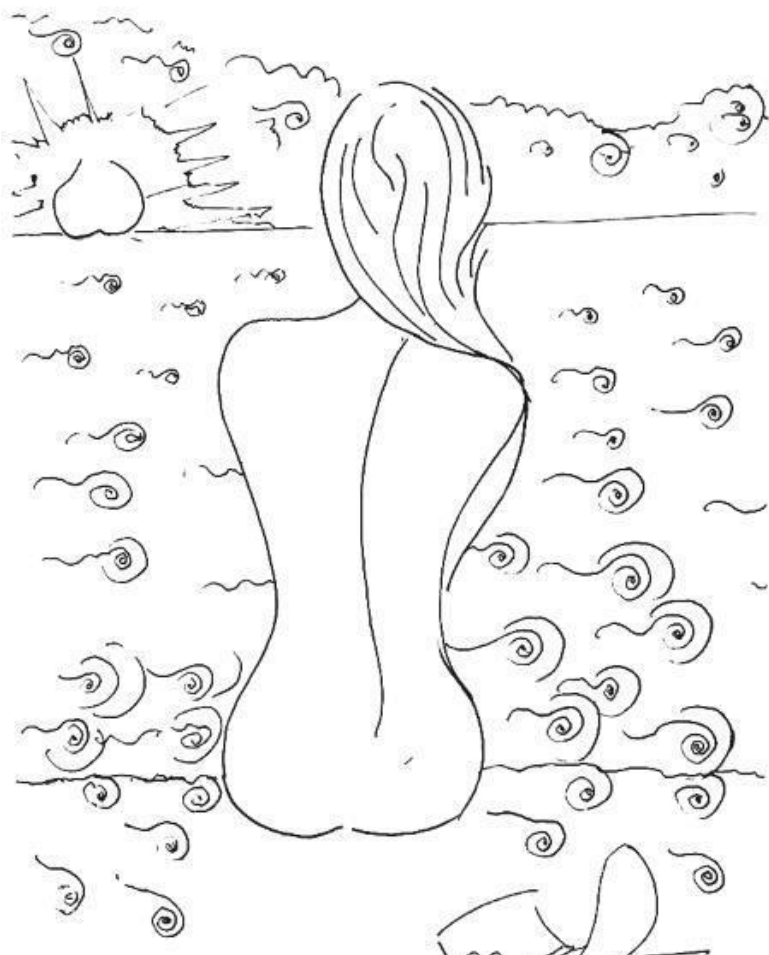
– Про Москву две тысячи восемьдесят второго года?

– Да. Она начинается как раз с Гоголевского бульвара будущего.

– Помню, помню. Лесные пуши соседствуют с мягкими подогреваемыми дорогами, а вокруг здания, выращенные из коралловых бактерий. – Вдруг Лиза почувствовала, что рядом с Игорем ощущает себя легко и свободно, как в студен-

ческие годы. Ведь, оказывается, можно еще поговорить просто о фильмах, о книжках, или просто ни о чем, а не развивать бесконечно серьезные темы долга и ответственности. Счастья и безответственности, вот чего не хватало ей в жизни.

Зеркало

Первое правило большой любви: влюбись в себя – создай конкуренцию.

Эта фраза, брошенная когда-то ее матерью, стояла у нее перед глазами с самого утра. Даже сейчас, перед зеркалом, вглядываясь в себя, она задавалась вопросом: Любит ли она себя? Нет, не любит. Иначе бы и вопросов не возникало. У людей, которые любят и ценят себя, таких вопросов не стоит. Им просто негде стоять, нет места, все занято любовью? Сначала к себе, потом уже ко всем остальным. Именно любовь к самому себе и создает конкуренцию вокруг. Посмотрела она на сидящего за столом мужа. У того конкуренции не было.

– Ты сама загоняешься, я чувствовал, что сегодня вечером такое будет. Тебе нельзя так много работать.

– Угу. Придумай причину. Все молодые люди отдыхают, ездят, получают удовольствие от жизни, а вы нашли себе дурочку, которая еще и сама себя обеспечивает, вообще париться не надо, еще дела будет разруливать, вот лафа. Адьюс, я так жить не буду и пофиг даже, что все эти свадьбы напрасно и т. д., я не своей жизнью вечно живу, когда ты это поймешь?

– Вот это совпадение, и я не своей.

– Я не буду рожать тебе детей, чтоб потом быть как в тюрьме привязанной. Я так и не успела пожить нормально, ты ме-

ня просто в клетку загнал. Вся жизнь: работа – кухня – болтовня о старых – работа – работа – работа – работа – кухня – болтовня. Максим! Мне не пятьдесят лет! А двадцать пять! Ты забыл? Мне скучно, я не вижу направления, ты меня никуда не ведешь. Можешь сваливать все на работу, которую ты сам мне подкинул, чтобы я не скучала и не сидела у тебя на шее, ты можешь свалить на что угодно, а я смотрю на молодых людей, свободных, не ограниченных всякой чушью, и мне завидно! Я сбегу, точно.

– Если это правда, то, что ты говоришь, то жаль. А если тебе трудно, то нет никакой надобности в твоей работе. Я могу тебя обеспечить, ты это знаешь.

– Мне тоже жаль. Прикольно, что я тебе нужна для работы по дому. Можно на мои желания забить полностью. И быть с папой.

– Не только.

– Ты даже не представляешь, как мне сейчас жаль! Я-то думала, что все поменяется, особенно после свадьбы, но нет, старая песня продолжается. Уже два года мне лапшу на уши вешаешь, а я повелась, какой смысл было выходить замуж, чтобы потом дальше страдать. Просто чтобы понять все и оценить, видимо.

– Свадебное путешествие не проблема, ты сама знаешь, в чем проблема, я даже не хочу сейчас об этом говорить. Мне жаль, что я не знал раньше твоего отношения к моему отцу. Хотя раньше он тебе даже нравился. Что случилось?

– Я попала не в свое поколение. Да, ты сделал мне предложение, правда через несколько лет. Так что это было похоже на какое-то противостояние. Так предложения не делаются. Я живу в каком-то пробеле.

– Согласен, я затянул со свадьбой. Я сам от этого пострадал. После этих событий мне самому надо научиться себя контролировать, ты не понимаешь, что такое, когда невозможно отключить голову. Эти мрачные мысли, это убивающее давление мыслей.

– Может, без меня у тебя получится лучше. Вот здорово: у тебя мрачные мысли, а я должна из-за этого ненавидеть свою жизнь. Без меня ты прекрасно все контролировал, и жил, как хотел. Что у меня, карма, что ли? Я-то при чем тут? Я тоже хочу жить, а ты мне не даешь. В театр ты купил билеты, в Испанию тоже и многое прочее, да? Если бы я тебя в кино не таскала, вообще бы никуда не выходил из своей трехкомнатной конуры. Жизнь – тоска, я вижу, что тебе самому ничего этого не надо. Хоть что-нибудь бы придумал, чтоб медовый месяц скрасить, так нет: «Дай мне с папой побыть». Ты с ним всю жизнь и так будешь.

– В Мариинский пойдем на следующей неделе, я уже посмотрел билеты.

– Мне можно несколько лет обещать. Идите вдвоем. Не, с тобой на концерт не сходить – ты не любишь, попутешествовать не съездить – ты не любишь, людные места ты не любишь. Разные интересы, я хочу, чтобы мои интересы под-

держивали. Ты нет. Я уеду на следующей неделе.

– Куда?

– Не знаю. Надеюсь, ты найдешь, куда мне можно уехать.

– Хорошо, найду.

– Как ты быстро все решаешь. Не хочешь – уезжай. Все вот так вот просто у тебя.

– Не говори ерунду. Не просто. Не хочу, чтобы ты страдала. Как когда-то страдала Анна.

– О, давай, вспомним еще твою бывшую жену. Может, ты к ней вернешься? Идиллия. Я думаю, она с радостью примет.

– Мне надоела эта чушь.

– Мне тоже. Страшная вещь – осознать все это сейчас.

Потом она подолгу собирала изуродованное долгим плачем лицо у зеркала. То оставалось таким же изможденным для нее и еще более милым для меня. Я не знал, почему они так реагируют на какие-то мелочи, что для меня не стоили ровным счетом ничего. Я не знал, почему женщины могут так страдать со мной. Иногда я даже начинал искать в себе того самого эгоиста, что испортил их жизнь, чьей единственной целью было размениваться ими и пользоваться. Размениваться до тех пор, когда мелочь эту можно будет отдать в добрые руки, кинуть какому-нибудь попрошайке в ладонь, пользоваться до тех пор, пока они не дойдут до того самого состояния б/у, когда они попадут под программу утилизации. Чем больше они пытались мне это внушить, тем меньше я им верил, тем больше отстранялся, обрастал корочкой

противоречий. Таня, собрав силы, снова пришла в гостиную, где я уткнувшийся в экран, пытался в очередной раз отстраниться.

– Да какой ты мужчина, трахал меня четыре года, чтобы потом вот так выкинуть на улицу.

– Таня, никто тебя не выкидывает, ты сама все время норовишь уйти, во-первых, во-вторых, если ты все же соберешься, я позабочусь о твоём благоустройстве, сниму тебе квартиру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.